

УДК 7.072.5; 392.81

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-131-141

Ю. С. Серенков, Е. А. Благиных

Лепная керамика шорцев в составе экспозиции архитектурно-этнографического ансамбля «Белые сказки»: социокультурный, утилитарный и эстетический аспекты

Сибирский государственный индустриальный университет; Россия, 654057, г. Новокузнецк, ул. Кирова, 42; juriyy-serenkov@rambler.ru, elenablagnyh@mail.ru;

Аннотация. Исследования авторов стали частью формирования концепции малого архитектурно-этнографического ансамбля «Белые сказки», реализуемого на территории Мысковского городского округа Кемеровской области – Кузбасса и отражающего особенности становления древней культуры шорцев на юге Западной Сибири. Проведен сравнительный анализ гончарных изделий мастеров прошлого, живших на землях верхнего течения р. Мрассу, с изделиями нижнемрасских гончаров-лепщиков. Раскрыты социокультурные и этнологические смыслы, коррелирующие с экспонатами выставочных зон ансамбля; дан краткий ретроспективный анализ гончарных традиций у этносов, проживающих за пределами Евразии. Обоснована необходимость преобразования общественно-культурных пространств в местах компактного проживания коренного и смешанного населения путем создания архитектурно-этнографического ансамбля в аспекте дальнейшего привлечения представителей малых народностей к здоровой социализации, овладению как традиционными, так и новыми социально-бытовыми практиками. Авторы прокомментировали фотоизображения, впервые представляющие исследовательскому сообществу находки новокузнецких археологов в Горной Шории и нижнемрасских землях.

Ключевые слова: гончарные промыслы шорцев, бытовая керамика, архитектурно-этнографический ансамбль, социокультурные смыслы, этнокультурные практики, традиция, орнамент.

Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации для поддержки творческих проектов общенационального значения в области культуры и искусства – 131-01.1-42/06-23

Введение

Керамика, особенно древняя, очень важна для понимания феномена материальной культуры человека. Продукты гончарных ремесел у разных народов играли решающую роль в становлении обликов цивилизаций среди прочего и потому, что соединили в себе демиургические стихии, или «элементы»: землю – как источник материала, и огонь – как важнейшую ступень технологии, став, таким образом, первой группой артефактов, наполнивших «пятую стихию» – стихию материальной культуры. Поэтому не удивительно, что в процессе возрождения научного интереса к материальной культуре этносов в рамках отечественной этнографии, культурной антропологии, культурологии в ее прикладной ипостаси керамике в целом и лепным изделиям в частности уделялось большое внимание. Новокузнецким археологом Ю. В. Шириным при раскопках в 2001 г. были обнаружены керамические артефакты, датируемые серединой XVII в. и хранящиеся в запасниках музея «Кузнецкая крепость». Находки представляют боль-

шую научную ценность. Археологический анализ этих находок – дело будущего. Пока же речь идет об уместности использования фотоизображений этой керамики в составе экспозиции АЭА «Белые сказки». Данная публикация очерчивает область культурных притязаний современных шорцев, ассоциируемую с традиционной бытовой утварью, задает тон и направленность дискурсивному сопровождению посетителей выставочных зон этого ансамбля в г. Мыски. И в этом ее **основная цель**.

В ходе исследования решались следующие **задачи**: представить концепцию архитектурно-этнографического ансамбля с подбором специфических для шорского народа историко-информативных, утилитарных объектов и элементов среды; осветить материал, вошедший в информативно-художественное издание с научно-исследовательских позиций.

Новизна исследования состоит в симбиозном видении характера существования гончарного искусства как в ретроспективе, так и в современном мире. При этом работа по выполнению проекта выявила необходимость научного освещения утилитарных, социокультурных и эстетических функций традиционных гончарных изделий и технологий в современном контексте выбранного региона. В этом состоит **актуальность исследования**.

Исследование опирается на расширенную **методологическую базу**. Во-первых, это метод исторического системно-структурного анализа, прослеживаемый в публикациях о шорском этносе В. М. Кимеева, А. И. Копытова [1], также в работах М. И. Молдалиевой, посвященных этногенезу и материальной культуре древних народов Средней Азии [2]. Во-вторых, метод сравнительного искусствоведческого анализа гончарных изделий, доступных в период реализации проекта АЭА «Белые сказки», – он прослеживается в работах Ю. В. Ширина [3]. В-третьих, угол зрения на предмет был расширен за счет метода транскультурной ретроспективы, позволившей увидеть общее в социальной подоплеке гончарного дела у этносов Южной Сибири [4], Центральной Африки [5] и Северной Америки [6]. Наконец, работа по комплектации и обустройству экспозиции потребовала изучения особенностей ландшафта, ресурсной природной базы и инфраструктурного каркаса мест компактного проживания шорцев в нижнем течении р. Мрассу в полевых условиях, чему существенно способствовали методические разъяснения, найденные в работах о полевых исследованиях [7].

Обзор литературы дает представление лишь о небольшой части исследований, тематика и методология которых, тем не менее, подчеркивают актуальные аспекты керамики как современного исследовательского предмета.

Опираясь на исследовательскую традицию XVIII – первой половины XX в., этнограф В. М. Кимеев предлагает новое прочтение артефактов, использованных его научными предшественниками [8]. Обращаясь к проблеме этнической атрибуции керамики, найденной при раскопках близ г. Новокузнецка, археолог Ю. В. Ширин ставит под сомнение шорское гончарство как результат консервации древней традиции [9]. Этот же исследователь пишет о взаимном русско-шорском влиянии технологий и эстетик гончарного промысла в Кузнецком крае [3]. Темы художественной эстетики и узуса в контексте бытовых шорских промыслов подняты в монографии Н. С. Уртегешева [10].

Исследователь В. А. Мальцева пишет об организации процесса постижения духовно-нравственных ценностей этнической культуры народов России на уроках декоративно-прикладного искусства, путях конструирования позитивной этнической идентичности в ходе современных художественных практик [11].

Стоит обратить внимание и на работы молодых российских исследователей, генетически связанных с изучаемым этносом и его культурой. Так, лингвист Д. М. Токмашев, исследуя топонимы в регионе (речь идет о поселениях в нижнем течении р. Мрассу), пришел к выводу о том, что большое количество коротких топонимов в местах расселения шорцев и телеутов имеют енисейские (кетские) и самодийские (селькупские) корни, что отражается и на их материальной культуре [12]. Культуролог А. В. Зыкин, анализируя последствия интеграции этноса в общегосударственную хозяйственную систему, пишет об изменении материальной культуры этноса [13].

Обращаясь к зарубежным исследованиям, следует отметить работы Н. Навей о керамике малого народа чаира (Гана) и социокультурном фоне ее изготовления и использования [5]. Т. Дж. Блумер посвящает монографию профессиональному самосознанию гончаров племени катоба (Южная Каролина, США), исследуя политические, экономические и социокультурные профессиональные становления гончаров в период со второй половины XIX в. до 40-х гг. XX в. Автор также анализирует этапы становления сенсорной потребности в работе с глиной у начинающих гончаров [6].

Социально-антропологический подтекст очевиден в исследовании международной группы ученых (Великобритания, Португалия), носящем название «Обычная керамика и социальные ландшафты». Среди прочего авторы останавливаются на важности критических и дискурсивных способностей исследователей этнического искусства [14]. Группа африканских авторов исследует магистральные пути воздействия традиционного искусства на национальную культуру, приняв за предмет исследования взаимовлияние традиционного искусства на национальную культуру Нигерии. Авторы прослеживают связь между первобытными изображениями, обнаруженными в Северной Африке и других ее частях, и постмодернистской керамикой, глиняной и деревянной скульптурой, текстильным дизайном, украшениями, архитектурой [15].

Следует помнить, что принятие решений при производстве гончарных изделий и керамики зависит от характера доступа к ресурсам и вопросов совместного пользования ресурсами. И то и другое определяются местными социальными отношениями и могут меняться со временем. В случае с гончарством у северных шорцев, зафиксированным в начале XX в. только в одном улусе (Усть-Мрассу) и бывшим только женским занятием [4, с. 30], мы имеем первую параллель с ситуацией керамических промыслов в других частях земного шара. Гончарство было женским занятием. Мужская часть работы ограничивалась заготовкой глины, обжигом и сбытом готовой продукции.

В Гане (Африка) мужчины не чурались работы с глиной, но сугубо в строительных целях. Женщины народа чаир копали и подготавливали глину, лепили, производили обжиг и продавали готовую продукцию. Более того, они были конечными потребителями гончарной продукции, поскольку отвечали за приготовление и подачу пищи, поиски и хранение воды и приготовление алкоголя. Находясь в системе характерных культурно-социальных отношений, женщины народа чаира могли производить гончарные изделия уже к 17 годам – традиционному для общины возрасту вступления в брак. По обычаю, после брачной церемонии молодую жену провожали в дом мужа с глиняным шаром, символизирующим приобщение к гончарному искусству [5, с. 5].

Женщины индейского племени катоба обратились к гончарству как к экономическому спасению вследствие многих бедствий, которые привели к сокращению мужского населения. Опустошительные эпидемии в ходе продвижения белых колонизаторов вглубь североамериканского континента, война с ирокезами, потеря в XIX в. охотничьих угодий, вынужденное переселение на малопродуктивные земли привели к дли-

тельному экономическому спаду, что не отменяло необходимости выживать, растить и обеспечивать осиротевших детей. Именно гончарному производству катоба как народ были обязаны своим выживанием [6, с. 14]. Прагматичные гончары уже в XVIII в. осознали, что их гладко отполированная керамическая посуда с характерным орнаментом привлекательна для поселенцев, и стали расширять рынок сбыта своей продукции, которая была стопроцентно индейской как по технологии изготовления, так и по эстетическим признакам. В период между 1780 и 1940 гг. гончарное производство доминировало в экономике племени катоба.

Интересна связь между керамикой и тем, что принято называть «духом народа». Если исходить из тезиса о том, что гончарные изделия «являются отличительной частью визуальной культуры коренных народов в большинстве регионов мира» [16, с. 60], гончарные изделия шорцев достаточно выразительны по форме, пропорциям, орнаменту, пусть достаточно скупому. Они способны привлечь внимание даже непосвященного, навести на мысль о гончаре как носителе менталитета этноса и уникальной личности. Соглашаясь с тем, что «изготовленные нижнеграссскими шорцами в начале XX в. кустарным лепным способом горшки, молочники, светильники поначалу были альтернативой из-за своей дешевизны и прочности приобретаемым на ярмарках глазурованным горшкам и крынкам, изготовленным с помощью гончарного круга» [4, с. 31], можно предположить и об эстетической привлекательности этих изделий для представителя русского населения Кузнецкого края, покупавшего шорские товары в обозначенный период.

В трансэтническом плане обращает на себя внимание интерпретация социокультурной подоплеку искусства гончаров в Африке. Исследователи считают, что гончарное искусство в Африке носит метафорический либо философский характер [5, с. 3], когда формы горшков передают представление о красоте гончара их пользователю. Узнаваемый от мастера к мастеру «почерк» при лощении поверхности, нанесении кольцевых линий на ободке и горлышке, особый оттенок черного цвета изделия, достигаемый в результате его копчения, свидетельствуют о личном восприятии гончаром философии дизайна, генеалогия которого тесно связана с местными традициями. То, что на гончарное искусство уникальным образом влияют социальные и культурные идеалы вовлеченных в него людей, свидетельствуют и художественные практики гончаров племени катоба. Рисунки их орнаментов, какими бы простыми они ни были, дают представление о южном культе, который был превращен народом в завершённый религиозный цикл. Солнечный круг или священный огонь являются мотивами большинства стилизованных изображений на изделиях гончаров племени катоба, указывая на древность гончарной традиции. Безусловно, возрождение интереса индейцев катоба к их гончарным традициям и в наши дни связано с экономикой. Но, по словам исследователя материальной культуры этого племени Т. Дж. Бумера, любовь и гордость всегда были основными составляющими процесса изготовления любого керамического артефакта. «Можно услышать, – пишет исследователь, – как многие из горшечников племени катоба с большой искренностью заявляют: “Я просто люблю погрузить руки в глину и что-нибудь получить в результате”; “Меня тянет к глине”; “Я чувствую связь с нашими предками, когда работаю с глиной”» [6, ??? с. 4].

Известно, что шорцы в нижнем течении Мрассу отличаются от иных представителей малочисленного народа. Как пишут исследователи, нижнеграсская группа имела особый говор, ставший основой современного шорского литературного языка [19]. Состояла она из потомков сёоков аба, челей, тарткын, которые имели своеобразный ан-

тропологический тип, «резко отличающийся от монголоидного» [1, с. 348]. Население нижнеморских улусов Красный Яр, Мыски было социально неоднородным. Многие семьи практиковали скупку пушнины и орехов у шорцев, проживавших в верхнем течении р. Морсу. Они перепродавали товар по завышенным ценам на рынках Сибири. Отсюда кличка «торгаши» (садыгчелар), применявшаяся по отношению к нижнеморским шорцам.

К началу XX в. рыболовство и скотоводство у нижнеморских шорцев стали развиты настолько, что приобрели товарный характер. Это повлекло за собой и перемены в бытовой культуре: основным жилищем у нижнеморских шорцев стали избы, у богатых – крестовые дома. Бревенчатые юрты использовались только летом. Рацион «низовских» шорцев включал теперь баранину, молочные продукты и огородные культуры, обычные для русских переселенцев. В качестве жира для жарки рыбы шорцы стали использовать сливочное масло. Они освоили кулинарный прием панировки. *Талкан* (поджаренный измол ячменных зерен) остался, тем не менее, любимой едой как для «верховских» шорцев, так и для их нижнеморских соплеменников. Цельное зерно ячменя также использовалось в составе ряда блюд. Из них можно отметить *иргы* – суп с кусочками конского мяса или сала. Из обычной муки готовили тесто, нарывали его кусочками и варили с рыбой и мясом. К шорцам, проживавшим в нижнем течении р. Морсу, едва ли можно было применить характеристику, данную в конце XVIII в. немецким этнографом И. Г. Георги шорцам «верховским», который называл их «туземцами», которые «питались по большей части от звериного промысла и дикими растениями» [18, с. 164].

Сравнивая керамику южных поселений шорцев (рис. 1–5, с индексом *A*) с керамикой поселений нижнего течения Морсу, следует, во-первых, сказать, что время происхождения изделий отличается. Все рисунки с индексом *A* датируются археологами серединой – последней третью XVII в., тогда как изделия на фотографиях с индексами *B* (*B*, *Г*) относятся к первой (в некоторых случаях – ко второй) половине XIX в. Сохранившихся целыми гончарных изделий найдено не было, речь можно вести лишь о развалах лепных сосудов. Однако и фрагменты сосудов свидетельствуют о том, что это были горшки с разными профилировкой венчика, конфигурациями шеек, отличающимися друг от друга силуэтами тулова. Изделия на рисунках с индексом *A* имеют бежево-оранжевый цвет, что говорит о светлом окислительном обжиге, тогда как фрагменты сосудов на рисунках с индексом *B* выглядят темными, почти черными. Такой цвет изделие приобретает вследствие низкой температуры горения в источнике жара, например в костре или печи для обжига. Трудно сказать, были ли изделия (речь о рисунках с индексом *B*) изготовлены на гончарном круге, но можно предположить, что некоторые из них «подражают» гончарно-круговой керамике (рис. 3 *B* (верх); рис. 4 *B* (низ)). Изделия на рисунках с индексом *A* могут отличаться от изделий на рисунках с индексом *B* и формовкой края (рис. 1).

Рис. 1. А) Кромка венчика – в качестве режущего инструмента использовался зуб животного; Б) Формовка края, сложный орнамент

В первой половине XX в. в Горной Шории действительно практиковалось гончарство. Среди хозяйственных орудий и инструментов у представителей коренных этнических групп находились узнаваемые принадлежности лепщика – деревянные корыта для замешивания глиняного теста, толстые плахи-опоры для донного начина, лопатки разных видов, специальные молотки, маленькие колотушки, ивовые обручи. Этнографы интерпретировали гончарство у шорцев этого региона как традиционное занятие, которое, не претерпевая существенных перемен в технологии изготовления либо дизайне изделий, имело место с древних времен [9, с. 28]. Проводились параллели с керамикой тагарской и таштыкской культур [2].

Принадлежность подобной керамики этнической культуре шорцев долгое время не вызывала сомнений. Когда археологи находили развалы сосудов во время раскопок в русских поселениях (бывший г. Кузнецк и его окрестности), они почти не сомневались в этнической атрибуции находок. Тем более, что и исторические источники содержали сведения о керамике шорского кустарного производства, привозимой на кузнецкий рынок в XIX в. Местная «инородческая» посуда, которая была конкурентоспособным товаром благодаря более низкой цене [9], изготавливалась из глины лепным способом. Возможно, поэтому внутренняя поверхность на отдельных ее участках была неровной и шероховатой (рис. 2 Б).

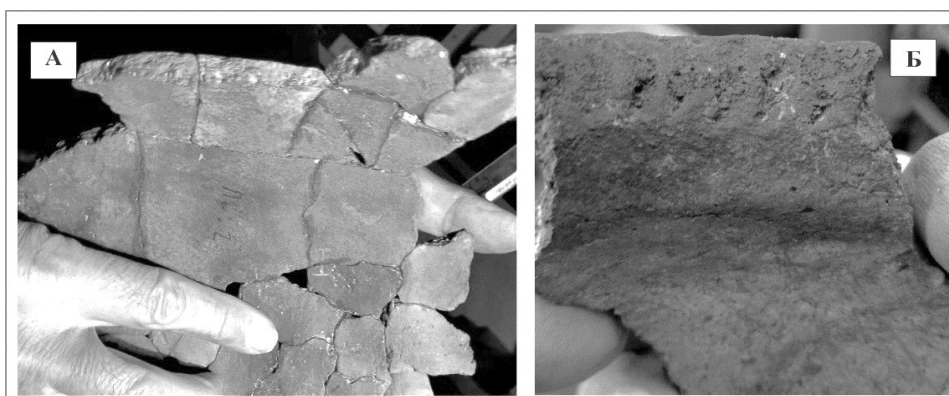

Рис. 2. А) Внутренняя часть сосуда, Горная Шория; Б) Внутренняя поверхность сосуда, земли в нижнем течении р. Мрассу

Источники свидетельствуют, что технология создания глиняных изделий была довольно проста. В жилой юрте с вечера в деревянных корытах *карит* куман *салган* замешивали глину с песком. На следующий день на толстой плахе лопаткой *калек* и молотком *токпак* вначале отбивали лепешкой глину для дна сосуда, а потом, зажимая заготовку между ступнями ног, наращивали его стенки слоями, используя маленькую колотушку *тундук* для выравнивания полости сосуда и плоскую лопатку *чакпыш* для сглаживания стенок и нанесения орнамента. Для скрепления полос стенки при ручной лепке использовали 7–8 ивовых обручей *шыйик* разного диаметра, а для отделения готового горшка от обручей – деревянный ножичек *кескиш*. Набор глиняных изделий был разнообразным – толстостенные горшки *селек коदेश* для похлебок, круглодонные горшки *тапнек* с носиком-сливом для подсолнечного масла, высокие подойники с ручкой и носиком-сливом *молонзыек* для молока, керамические жировые светильники различной формы *наспешнек*, глиняные сковороды, а также кружки с рукояткой и чашки [4, с. 30].

Примечательно, что многие из них по форме напоминали глиняную посуду русских крестьян Томской губернии. И действительно, опыт археологических исследований поселенческих комплексов Притомья XVII–XX вв. исследователям показал, что зафиксированный этнографами керамический промысел у одной из групп кузнецких татар (д. Усть-Мрассу на р. Томи, в районе современного г. Мыски) – не результат развития традиционного гончарства. Как считают исследователи, шорское гончарство XIX – нач. XX в. можно рассматривать как результат интеграции северных групп кузнецких татар в русский хозяйственно-культурный комплекс [8, с. 29]. Собственные традиции – использование глины без каменной крошки, донный начин, формировка плавного силуэта тулова, отсутствие дополнительного суживания горловины, зубчатый орнамент (рис. 3–5, индекс А) – кузнецкими татарами к концу XVIII в. в основном были утрачены. Их гончарство более позднего периода, аналогично кустарному домашнему керамическому производству ряда групп переселенцев из Центральной России [9].

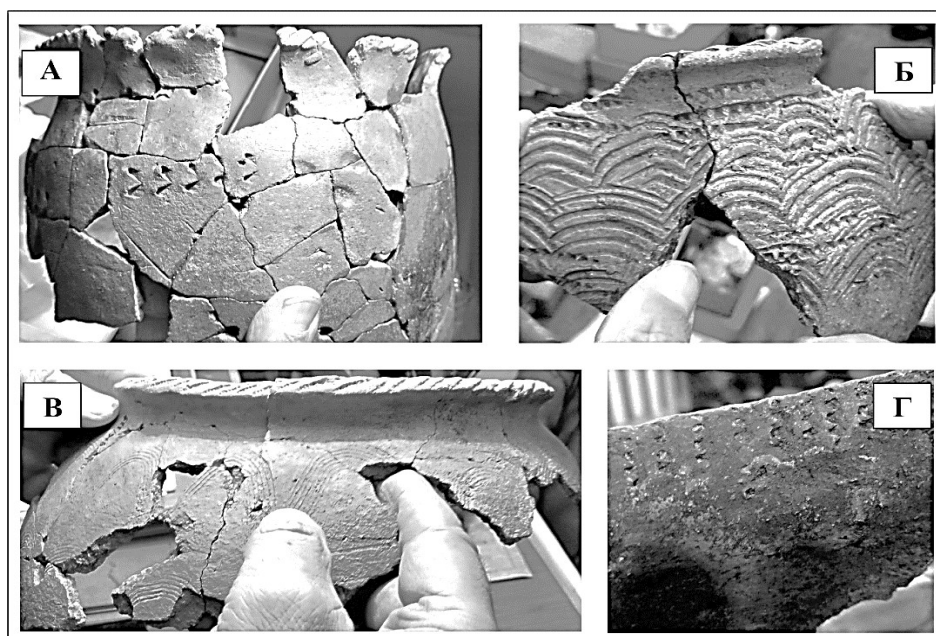

Рис. 3. А) орнамент зубчатый; Б) сложный орнамент верха; В) орнамент «тянутый»; Г) «гребенка»

При внимательном рассмотрении оказалось, что шорское гончарство в нижнем течении р. Мрассу имеет и вполне очевидные показатели заимствования – искаженные русские названия для отдельных гончарных приспособлений, технология замеса глины, формовки сосуда и обжига (в русской печи), типы готовой продукции и их искаженные русские названия. Нацеленность на русский рынок также подтверждает данное предположение [9]. «Шорскую» посуду зачастую можно отличить от «переселенческой» только по наличию характерных орнаментов. Но орнаментированная посуда и на местах поселений кузнецких татар встречается редко, да и эти узоры, как считают исследователи, не являются следствием развития их традиционной керамической орнаментации [9] (сложный орнамент на формовке края, «тянутый» орнамент, «гребенка», трехточечный орнамент, крестовой орнамент – рис. 3 Б, В, Г; рис. 4 Б; рис. 5 В, Г).

Рис. 4. А) Материал – глина без добавления каменной крошки; Б) Материал – глина с добавлением каменной крошки

Стоит обратить внимание на то, что все сосуды на рис. 1–5 с индексом А, имеют блеск, тогда как почти все сосуды, индексированные Б, В, Г, – матовые. Блеск – не только следствие преломления света лампы бежево-оранжевой поверхностью сосудов, основным отоштителем глины в тесте для которых служил песок. Это также результат технологии лощения поверхности изделия, которая применялась в последней трети XVII – начале XVIII в. [3]. К этому же периоду относятся изделия с донным начинном (дно более тонкое, чем примыкающие к нему участки тулова), нетолстыми стенками (4–5 мм), короткой шейкой у горшков, достаточно крутой линией плечика. Такие особенности керамики, по мнению Ю. В. Ширина, восходят к гончарной традиции XVII в. Можно полагать, что шорский стиль изделий на рис. 1–5 с индексом А в меньшей степени «контаминирован» элементами эстетики русского гончарства того же периода. Но и нижнеморская керамика, относимая исследователями к XIX в., носит следы этнического видения узуса, когда изделие должно было не только накормить, но и защитить от злого влияния нечисти, выполнить роль оберега. Встречаются изделия, орнаментированные точками (рис. 1 Б) либо треугольниками и точками (рис. 5 В и Г). Цитируем: «<...> считалось, что треугольник <...> способен защитить от злого влияния нечисти, тем самым он играл роль оберега, а точки, идущие друг за другом, – тропа» [10, с. 67].

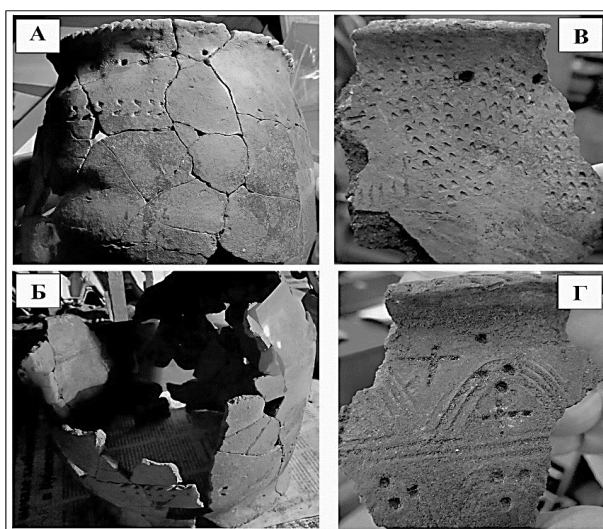

Рис. 5. А, Б) Общий вид восстанавливаемого горшка; В, Г) Характерный переход от горловины к тулову, трехточечный орнамент, крестовой орнамент

Заключение

На гончарное искусство уникальным образом влияют социальные и культурные идеалы вовлеченных в него людей. Методы формовки глины и отделки, применяемые на протяжении многих лет при производстве керамики, менялись не только из-за утилитарных установок, но и из-за эстетических и философских взглядов. Философия дизайна в любой культуре черпает свою идентичность из ее традиций, общества и технологий, ее генеалогия тесно связана с местными традициями. Восприятие уникального мировоззрения мастеров потребителями артефактов коренится в пределах локализованной среды обитания, но при условии интереса и симпатии к соседним культурам может и должно выходить за ее пределы.

Выводы по исследованию:

– оставляя под вопросом оригинальность технологии изготовления лепной посуды, можно вести речь об уникальной специфике ее дизайна и орнамента – как в случае с керамикой Горной Шории, так и в случае с гончарными изделиями нижнерасских мастеров прошлого;

– в транскультурном аспекте керамика этносов, как правило, полифункциональна: хранение продуктов и воды, приготовление пищи, ритуальный узус и т. д. У шорцев в нижнем течении Мрассу ритуальный узус гончарных изделий не подтвержден исследованием, но можно вести речь о функции оберега (сакральная символика в составе декора изделий);

– в современном мире происходит возрождение гончарных традиций, появляются новые формы, новые технологии, новые орнаментальные приемы и образцы, поэтому требуется дальнейшее научное исследование технологий, эстетики и узуса традиционных гончарных изделий на территории современного Кузнецкого края.

Авторы выражают благодарность за интерес к проекту и консультации доктору исторических наук, доценту А. Н. Худолеву и кандидату педагогических наук, доценту Ю. П. Иванову.

Литература

1. Кимеев, В. М. Горная Шория. Историко-этнографические очерки: монография / В. М. Кимеев, А. И. Копытов. Кемерово: Примула, 2019.

2. Молдалиева, М. И. Историко-генетический подход в исследовании этногенеза и материальной культуры древних кыргызов // Международный журнал экспериментального образования. 2021. № 1. С. 68–72.
3. Ширин, Ю. В. Керамика XVIII в. из деревень в окрестностях Кузнецка // Кузнецкая старина. Новокузнецк. 2003. Вып. 5. С. 17–34.
4. Кимеев, В. М. Традиционные ремесла шорцев // Вестник КемГУ. 2013. Т. 1, № 4 (56). С. 27–32.
5. Navei, N. Sociocultural contexts of Chaira pottery art // Journal of African Art Education. 2020. № 1 (1). Accra, Ghana: ATAG Publishing. Pp. 1–18.
6. Blumer, Thomas J. 1937 – Catawba Indian pottery: the survival of a folk tradition. Tuscaloosa: The University of Alabama Press Tuscaloosa, 2004.
7. Vanke, A., Polukhina, E., Strelnikova, A. How to Collect Data in Qualitative Field Research. Moscow: HSE Publishing House, 2020.
8. Кимеев, В. М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 54–64.
9. Ширин, Ю. В. К проблеме этнической атрибуции южно-сибирских археологических комплексов нового времени в зоне расселения русских // Кузнецкая старина. Новокузнецк, 2006. Вып. 8. С. 25–36.
10. Уртегешев, Н. С. Шор чон-калыгының кептери, умнары (Шорский национальный костюм, орнамент). Абакан: Новосибирский региональный Общественный фонд сохранения культуры хакасов «Ал Хоорай», 2020.
11. Maltseva, V. A. Development of junior schoolchildren creativity based on the Russians ethnic culture // Revista ESPACIOS. 2019. Vol. 39, no. 15. Pp. 27–41.
12. Токмашев, Д. М. О статусе интервокальных [k:] и [t:] в фонологической системе телеутского языка // Вестник Кемеровского государственного университета. 2022. Т. 24, № 1. С. 138–152.
13. Зыкин, А. В. Место и роль языка в структуре традиционной культуры (на материале коренных этносов Южной Сибири): автореф. ... д-ра филол. наук. Санкт-Петербург: Издательский центр СПбГАУ, 2019.
14. Jorge, A., Dias, M. I., Day, P. M. Plain pottery and social landscapes: reinterpreting the significance of ceramic provenance in the Neolithic // Archaeometry. 2013. Vol. 55, № 5 Pp. 825–851.
15. Gyegwe, A. G., Kenechi, A. et al. The Role of Art in Traditional Cultural Patterns // Arts and Design Studies. 2016. Vol. 39. Pp. 31–34.
16. Asante, E. A., Adjei, K. & Opoku-Asare, N. A. The theoretical and socio-cultural dimensions of Kpando women's pottery // Research on Humanities and Social Sciences. 2013. № 3 (1). Pp. 60–72.
17. Ярхо, А. И. Алтае-Саянские тюрки. Антропологический очерк. Абакан, 1947. 147 с.
18. Кимеев, В. М. Проблема этногенеза шорцев // Вестник КемГУ. 2014. № 3 (59). С. 64.
19. Георги, И. Г. Описание всех в Российском государстве обитающих народов. Ч. 2. (Факсимильное издание). Санкт-Петербург: Лема, 2021.

Поступила в редакцию 12 марта 2024 г.

Принята 10 мая 2024

UDC 7.072.5; 392.81

DOI: 10.21779/2542-0313-2024-39-3-131-141

The Shor Moulded Ceramics as Part of the Exposition at “Beliye Skazki” Architectural and Ethnographic Ensemble: Socio-cultural, Utilitarian and Aesthetic Aspects

Yu. S. Serenkov, E. A. Blaginykh

*Siberian State Industrial University; Russia, 654057, Novokuznetsk, st. Kirova st., 42;
juriyy-serenkov@rambler.ru, elenablaginykh@mail.ru*

Abstract. A part of conceptual framework for the architectural ethnographic ensemble “Beliye Skazki” is presented through the discussion of the ensemble-exhibited old Shor ceramics. The formation features of South Western Siberia Shor people’s ancient culture are reflected. A comparative analysis of the upper-reaches Mrassu decorated pottery with that of the lower-reaches Mrassu pottery is carried out. The socio-cultural and ethnological meanings correlating with the ensemble's exhibition areas are revealed; a brief retrospective analysis of pottery traditions among ethnic groups living outside Eurasia is given. The necessity of transforming socio-cultural spaces in places of compact residence of indigenous and mixed populations by creating an architectural and ethnographic ensemble in the aspect of further attracting representatives of small nationalities to healthy socialization, mastering both traditional and new social and everyday practices is substantiated. Commented on are old ceramics’ images presenting to readers some little-known finds of Novokuznetsk archaeologists.

Keywords: pottery craftsmanship of the Shors, household ceramics, architectural and ethnographic ensemble, socio-cultural meanings, ethnocultural practices, tradition, ornament.

Received 12 March, 2024

Accepted 10 May, 2024